

Научная статья
УДК 343.827 : 340.5

**ПОЛИТИКА «ВРАЖДЕБНОЙ ПЕНОЛОГИИ» («ENEMY PENOLOGY»):
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, СОДЕРЖАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Павел Владимирович Тепляшин^{1,2}

¹ Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Ключевые слова: интернирование мигрантов, исправительное учреждение, либеральные правовые принципы, меры предупреждающего характера, наказание, осужденный, тюрьма в Гуантанамо

Аннотация. В статье раскрывается корреляция между политикой «враждебной пенологии» и практикой упреждающей криминализации деяний в западноевропейском уголовном законодательстве на фоне роста новых угроз безопасности общества. Изложена совокупность научных представлений на процесс и результаты фактической институционализации в уголовном праве и пенологии категории «враг». Показано, что данная политика рассматривает нелиберальные пенальные меры в качестве неотъемлемой части либеральной пенитенциарной системы и соприкасается с концепциями «превентивного заключения», «до-преступления», «превентивного государства». Освещена критика политики «враждебной пенологии». На примере реализации практик упреждающего блокирования угроз безопасности отмечены вероятные проявления «враждебной пенологии» в отечественном законодательстве и отдельных положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Политика «враждебной пенологии» («enemy penology»): концептуальные основы, содержание и интерпретация через призму отечественного уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1(62). С. 10–16.

Original article

**THE POLICY OF “ENEMY PENOLOGY”: CONCEPTUAL FOUNDATIONS,
CONTENT AND INTERPRETATION THROUGH THE PRISM OF DOMESTIC PENAL LEGISLATION**

Pavel V. Teplyashin^{1,2}

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: migrant internment, correctional facility, liberal legal principles, preventive measures, punishment, inmate, Guantanamo Bay detention camp

Abstract. The article demonstrates the correlation between the policy of “enemy penology” and the practice of pre-emptive criminalization of acts in Western European criminal legislation on the background of the growth of new threats to the security of society. The set of scientific views on the process and results of actual institutionalization in criminal law and penology of the category “enemy” is stated. It is shown that this policy considers non-liberal penal measures as an integral part of the liberal penal system and is in contact with the concepts of “preventive detention”, “pre-crime” and “preventive state”. A critique of the policy of “hostile penology” is highlighted. On the example of implementation of practices of pre-emptive blocking of threats to security the probable manifestations of “hostile penology” in the domestic legislation and some provisions of the Concept of development of penal system of the Russian Federation for the period till 2030 are noted.

For citation: Teplyashin, P. V. (2022) “The policy of “enemy penology”: conceptual foundations, content and interpretation through the prism of domestic penal legislation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(62), pp. 10–16.

Изучение концептуальных зарубежных идей в области предупреждения преступности и

обращения с осужденными не может рассматриваться только в качестве «данности» для отечественных исследователей. Оно является выраже-

© Тепляшин П. В., 2022

нием свободной научной воли тех из них, кто осознает авангардность такого анализа, его ценность для развития отечественной криминологической и уголовно-исполнительной доктрины и практики. При этом действительно непростые вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой Российской Федерации, диктуют потребность внимательного исследования подлинных процессов, зарождающихся и протекающих в различных областях европейской и мировой пенитенциарной действительности. Не случайно в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года¹ (далее: Концепция) указывается на необходимость проведения научных исследований эффективности исполнения отдельных видов уголовных наказаний и применения норм и институтов уголовно-исполнительного права. В этой связи соответствующий научный интерес представляет политика «враждебной пенологии», поскольку идеи, положенные в ее основу, могут выступать репрезентативным индикатором эффективности идеологии сдерживания преступности, дополнительным средством обнаружения имеющихся правовых резервов развития уголовно-исполнительной системы либо, наоборот, инструментом демонстрации неприемлемых форм и способов обращения с осужденными.

Политика «враждебной пенологии» (англ. «*enemy penology*») берет свое начало с расширения практики упреждающей криминализации деяний в западноевропейском уголовном законодательстве в последние десятилетия XX в. на фоне роста новых угроз безопасности общества. Изначально она представляла собой концепцию «враждебного уголовного права» (нем. «*Feindstrafrecht*»), разработанную и доведенную до научной общественности в 1985 г. немецким ученым-юристом Гюнтером Якобсом.

Логика данной политики приводит к более информативному пониманию феномена пенитенциарной неолиберализации и сопутствующих правовых [Hussain 2007], социально-правовых [McCann, Kahraman 2021] и даже религиозных концепций [Baker, Whitehead 2020]. В рамках «враждебной пенологии» институционализируется категория «враг», под которой понимается не просто преступник, а лицо, которое противопоставляет себя существующей системе социальных ценностей, совершает преступление не в отношении конкретной личности, а в отношении сложившихся правил и общественной морали, а также лицо, заподозренное в намерении совершить преступ-

ление против общественной безопасности. Соответственно, общество (в своем большинстве) осознает целесообразность преимущественного жесткого и предупредительного обращения с таким «врагом» социальных установлений. По мнению исследователей, занимающихся изучением политики «враждебной пенологии», «враг» посягает на разрушение основных либеральных правовых принципов, поэтому либеральное наказание является непропорциональным в отношении таких преступников [Gómez-Jara 2008, p. 531]; «пенология врага основывается на механизме обезличивания, создающем дихотомию между двумя типами преступников, “не-человеком” и гражданином, к которым по-разному применяется уголовное законодательство. Деперсонализация подразумевает отсутствие доверия между человеком и государством, так как человек, основываясь на своей так называемой доказанной опасности, вряд ли будет соблюдать свои обязательства в будущем» [De Massol, Van Der Woude 2020, pp. 6–7]. Допустимо обобщить вышеизложенные тезисы указанием на то, что «враждебная пенология» демонстрирует важность пересмотра рациональности и надежности как самого уголовного наказания, так и практики его исполнения. Посредством фигуры антитезы можно заключить: нелиберальные пенальные меры являются неотъемлемой частью либеральной пенитенциарной системы.

Классическая либеральная теория, наиболее заметно представленная идеями Чезаре Беккария, обосновывает гуманизацию и рационализацию наказания. В свою очередь, в рамках социальной философии Иоганн Готлиб Фихте показал общественный детерминизм преступного поведения, добровольность воли человека при совершении преступления и, следовательно, его виновность. В этом же контексте отметим, что в представлениях Мишеля Фуко преступление рассматривается как поворот человека против общества, и поэтому следующее наказание добровольно наносится самому себе: преступник сознательно делает себя врагом общества и, следовательно, заслуживает соответствующего наказания. Однако вопросы мотива и причин преступного поведения, а также виновность остаются за границами концепции «враждебной пенологии», поскольку наибольшую важность «принудительного вмешательства государства» [Weber, McCulloch 2019, p. 507] приобретают опасность личности, реализация мер превентивного и предупреждающего характера.

В этой связи полагаем, что институт так называемого превентивного заключения также является выражением политики «враждебной пенологии». Так, Джозеф Цзы-Шуо Лю отмечает, что «термин “превентивное заключение” означает

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 18.01.2022).

бессрочное содержание под стражей опасных преступников в четко выраженных превентивных целях после истечения срока назначенного приговора... превентивное заключение не является частью определенного наказания или пенитенциарного воздействия, соответствующие политические программы больше не нуждаются в ограничивающих уголовно-правовых принципах, таких как виновность, соразмерность и строгость, а также процессуальных гарантиях, предусмотренных для преступников» [Liu 2021, pp. 551, 572]. Соответственно, идея «превентивного государства» (“preventive state”) ориентирована на такие свойства преступника, как степень его опасности и, следовательно, реализацию мер превентивного и предупреждающего характера.

В процессе постепенного развития пенологии данная наука преимущественно приобрела яркий социальный «оттенок». Здесь уместно вспомнить интерпретированный лозунг Франца фон Листа: к тем, кто «исправим», следует применять меры психологического характера, к тем же, кто «неисправим» – меры безопасности. Как результат, сущностная задача пенологии стала заключаться в том, чтобы лучше понять действительную опасность преступника и справиться с ней с помощью опыта дисциплины (Мишель Фуко: преступник становится «человеком, которого нужно знать»). Однако сама идея цели наказания, преимущественно представленная в рамках уголовного права, приобрела доктринальный и в какой-то степени научно-пафосный характер, социальная норма вступила в противоречие с либеральными правовыми принципами – в центре внимания пенологии оказался уже не преступный акт, а сам преступник. В этом плане научный интерес вызывает «феномен тюрьмы Гуантанамо». Так, пресловутая экстерриториальность и якобы внеправовое пространство территории тюрьмы позволяют нарушать многие международно-правовые стандарты в области обращения с лицами, изолированными от общества (начиная с положений *Habeas Corpus Act* 1679 г.¹), реализовывать пыточные методы работы с заключенными (например, применение в рамках расширенных техник допроса метода «имитации утопления») [Глазунова 2011, с. 154; Крючков 2020, с. 152]. Принятие и реализация Закона о военных комиссиях (*Military Commissions Act of 2006*²) создали, по мнению Смадара Бен-Натана, «видимость законности и двойную систему наказания, в которой “вражеские комбатанты” преследуются военными трибуналами, а граждане США

¹ Акты о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (*habeas corpus act*) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М. : Госюриздат, 1957.

² URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/s3930> (дата обращения: 18.01.2022).

– федеральными судами» [Ben-Natan 2021, p. 756]. Опубликовано Управлением Верховного комиссара по правам человека ООН в 2006 г. доклада (*Human Rights Experts Issue Joint Report on Situation of Detainees in Guantanamo Bay*³), в котором содержалась рекомендация закрыть тюрьму, не смогло изменить ситуацию (кроме того, существует значительный объем серьезных нареканий со стороны таких организаций, как, в частности, International Committee of the Red Cross, Human Rights Watch, Amnesty International). Представляется, что «феномен тюрьмы Гуантанамо» выражает яркое противоречие с либеральными правовыми принципами и настолько сильно контрастирует с общепринятыми представлениями о допустимости и недопустимости форм и способов обращения с лицами, подвергнутыми тюремному заключению, что может очерчивать наиболее крайние проявления (указание на «наиболее крайние формы проявления» выступает научной гипотезой) реализации политики «враждебной пенологии».

Политика «враждебной пенологии» отражает фундаментальную проблему либерального права, а именно, «что делать с лицами, которые рассматриваются как источники крайней опасности» [Gómez-Jara 2020, p. 529; Fekete, Webber 2010, pp. 6–7], но которые едва ли будут признавать свою вину в содеянном? При этом заметим, что современное право государств предусматривает, как правило, снисхождение в отношении лица, которое признает вину и, соответственно, осуждает себя. Как отмечает Кристоф Менке, субъект, признавая свою вину, выносит соразмерное наказание сам себе, и поэтому насилие закона – это насилие субъективности [Menke 2010, p. 8]. Иными словами, осуждаемое лицо способно дозировать степень карательных притязаний государства к нему путем признания/непризнания вины, раскаяния/отсутствия раскаяния в содеянном. Ведь не случайно в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве такой механизм отчасти предусмотрен. Так, ст. 293 УПК РФ «Последнее слово подсудимого» закрепляет обязанность председательствующего предоставлять подсудимому последнее слово, результаты которого способны повлиять на характер вынесенного в последующем уголовного наказания. Однако в российском уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует дифференцированное отношение к осужденным: 1) признавшим свою вину и раскаявшимся; 2) признавшим свою вину, но не раскаявшимся; 3) не признавшим свою вину. В настоящее время целесообразность подобной законода-

³ URL: <https://www.globalsecurity.org/security/library/news/2006/02/sec-060216-un.01.htm> (дата обращения: 18.01.2022).

тельной дифференциации, безусловно, носит гипотетический характер, но вместе с этим позволяет иначе взглянуть на резервы исправительного и профилактического воздействия на определенные категории осужденных.

Исключение «врага» из общества и соответствующее «приостановление действия закона», как указывает Гюнтер Якобс, не должны быть постоянными, и поэтому «враждебное право» представляет собой закон, «предоставляет исключенному... процедурно предусмотренную возможность возвращения, в этом отношении он может быть включен [в общество]» [Jakobs 2014, p. 423]. Данный тезис наглядно показывает желание главного идеолога политики «враждебной пенологии» придать ей гибкие возможности и социально амортизационные качества, представить ее такой же реализуемой и востребованной, как и концепция «до-преступления».

Вместе с тем рассматриваемая политика (здесь уже больше как концепция) подверглась достаточно обоснованной критике. Так, Сюзанна Красманн ставит очевидные вопросы: «Где закончить нашу подозрительность, если безопасность всегда находится под угрозой? И где провести границу допустимых контрмер для предотвращения вреда, если мир становится все более сложным, а угрозы – все более опасными?»¹. В унисон с ее мнением Мэтью Лиз характеризует эти угрозы следующим образом: «...эпистемологически говоря, в значительной степени непредсказуемыми и поэтому в конечном итоге трудно предотвратимыми» [Leese 2017, p. 326]. Основная суть иных критических замечаний сводится к тому, что в границах «враждебной пенологии» проявляются сегрегационные начала (в частности, интернирование мигрантов), и в целом она несовместима с определенными либеральными правовыми принципами (в том числе с принципом «*Nullum crimen sine lege, nullum poena sine lege*») [Krasmann 2007, pp. 302–309; Lacey 2012, pp. 19–22; Kunz 2013, p. 390], а «неуклонное продвижение программ секьюритизации угрожает самим основам социального и правового порядка» [Weber, McCulloch 2019, p. 508]. Однако интересно взглянуть на применение, например, Дублинского регламента (*Dublin Regulation no. 604/2013*²), предусматривающего процедуру рассмотрения прошения, поданного беженцем, о предоставлении убежища европейским государством, через которое он как соискатель международной защиты въехал в Европейский союз (при этом мнение мигранта практически не учитывается), а также обязанность

осужденного мигранта отбывать наказание в виде тюремного заключения, назначенного судом любого государства Евросоюза, в так называемой стране первого прибытия независимо от вероятности того, что он там может столкнуться с жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием. Таким образом, осужденные лица, не являющиеся гражданами государства, на территории которого они совершили преступление, могут быть высланы в «страну первого прибытия», несмотря на то, что они трудоустроились, вышли замуж (женились), завели детей в стране, из которой они депортируются. Более того, опасность террористических угроз обусловила Европейский совет принять в 2019 г. комплекс мер по противодействию радикализации в исправительных учреждениях – создание специализированных и многопрофильных подразделений, отвечающих за противодействие насильственному экстремизму, национализму и радикальным настроениям в тюрьмах, внедрение специальных мер безопасности и режимов сегрегации (изолированных тюремных режимов) для осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. Как представляется, указанная практика как раз отражает реализацию политики «враждебной пенологии».

Обращаясь к отечественному уголовному праву, допустимо презюмировать существование практики упреждающей криминализации деяний (в частности, появление в уголовном законе уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст. 185¹–185⁶, 205¹–205⁶, 210¹ УК РФ). Политику упреждающей криминализации деяний уголовно-исполнительное законодательство развивает только в рамках определения осужденным соответствующих мест отбывания лишения свободы и перевода для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида. Например, согласно ч. 4 ст. 73 УИК РФ осужденные, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии терроризма, исповедовании, пропаганде или распространении ими такой идеологии и при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы. Однородное, по сути, правило закреплено в ч. 2 ст. 81 УИК РФ. В границах уголовно-исполнительных отношений указанную практику можно назвать упреждающим блокированием угрозы безопасности. В сущности, здесь проявляется политика «враждебной пенологии» в отношении определенной категории осужденных. Однако дальше сегрегированного подхода законо-

¹ Krasmann S. Enemy Penology. URL: https://www.researchgate.net/publication/325390582_Enemy_Penology (дата обращения: 18.01.2022).

² URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2013/604/oj> (дата обращения: 18.01.2022).

датель не пошел и на уровне УИК РФ не стал развивать «процедурные» правила в отношении осужденных-«врагов» (в частности, режимные требования, меры взыскания, правила прогрессивной системы).

Вызывают научный интерес концептуальные позиции, которые способны развивать соответствующие стратегические идеи в области отечественной пенологии и постепенно подводить их к необходимости законодательного оформления. Так, Концепция очерчивает текущие государственные установления, обозначает магистральные и принципиальные направления оптимизации уголовно-исполнительной системы. Положения данного документа развивают научно обоснованные установки, материализуют смысл выстроенной системы директив, направленных на достижение поставленных целей и решение закрепленных в Концепции задач.

В Концепции можно выделить ряд положений, которые обладают некоторыми схожими с политикой «враждебной пенологии» чертами. Допустимо презюмировать, что к таким положениям, в частности, относятся:

1) обеспечение безопасности с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных (разд. XIV «Цифровая трансформация и научно-техническое развитие уголовно-исполнительной системы»). В данном случае наблюдается использование так называемых интрузивных методов выявления правонарушающего поведения. Ведь не случайно в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы)¹ закрепляется, что интрузивные обыски должны проводиться только в случае крайней необходимости, а тюремной администрации рекомендуется разрабатывать и использовать соответствующие альтернативные методы осуществления обысков, не связанные с интрузивными формами их проведения (правило 52);

2) повышение эффективности осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера (разд. XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). Формулировка «повышение эффективности» не носит конкретной содержательной нагрузки и отчасти расходится с принципом правовой определенности. Как представляется, в данном случае целесообразно указать на расширение конфиденциального содействия для получения оперативно значимой первичной информации;

3) контроль за деятельностью по недопущению проникновения на территорию учреждений уго-

ловно-исполнительной системы радикально настроенных лиц под видом благотворительных, общественно-политических, религиозных, правозащитных и иных организаций, а также под видом средств массовой информации (разд. XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). В рамках данного положения, видимо, предполагается использовать сведения, полученные, например из Перечня иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, либо из Единого федерального списка организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, а также из иных источников. Однако выявление «радикально настроенных лиц» включает в себя не только установление их принадлежности к деятельности соответствующих организаций, но также работу по персональному отнесению какого-либо лица к категории «радикально настроенный», что в первую очередь предполагает реализацию соответствующих организационно-правовых мер превентивного и предупреждающего характера. Кроме того, указание на контроль демонстрирует именно управляемое сдерживание и упреждение угрозы распространения радикализма в уголовно-исполнительной системе;

4) разработка комплекса мер, направленных на своевременное выявление в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений (разд. XVII «Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы»). Указание на «своевременное выявление... лиц» свидетельствует о необходимости реализации таких мер, которые направлены на как можно раннее обнаружение лиц, являющихся носителями экстремистских убеждений. Естественно, что в данном случае субъект, выявляющий данных лиц, будет обращаться к таким категориям, как «намерение», «установка» и, соответственно, реализации различных правовых мер превентивного и предупреждающего характера, далеко не всегда имеющих уголовно- или административно-правовую юридическую природу.

Таким образом, рассмотрение концептуальных основ и содержания политики «враждебной пенологии» не только расширяет исследовательский кругозор в области пенитенциарной компаративистики и обогащает доктрину уголовно-исполнительного права, но и позволяет под иным углом взглянуть на горизонты развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства, приблизиться к пониманию существующих резервов ее оптимизации и обеспечения безопасности.

¹ URL: https://www.un.org/ru/events/mandeladay/mandela_rules.shtml (дата обращения: 18.01.2022).

Интерпретация данной политики в свете реализации Концепции формирует более четкое представление относительно вектора развития российской модели обращения с осужденными и ее места в мировых пенитенциарных практиках. Вопросы упреждающего блокирования угроз безопасности в уго-

ловно-исполнительной системе, безусловно, должны выступать предметом дальнейшего научного осмысления в разрезе отдельных аспектов исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы и реализации иных мер уголовно-правового характера.

Список цитируемых источников

Глазунова 2011 – Глазунова Е. Н. Гуантанамо: история с продолжением // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2011. №3. С. 153–183.

Крючков 2020 – Крючков К. С. Отчет Хоффмана: психологии и пытки. Этический урок для психологов // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, №1. С. 148–165.

Baker, Whitehead 2020 – Baker J. O., Whitehead A. L. God's penology: Belief in a masculine God predicts support for harsh criminal punishment and militarism // Punishment & Society. 2020. Vol. 22, iss. 2. P. 135–160.

Ben-Natan 2021 – Ben-Natan S. The dual penal empire: Emergency powers and military courts in Palestine/Israel and beyond // Punishment & Society. 2021. Vol. 23, iss. 5. P. 741–763.

De Massol, Van Der Woude 2020 – De Massol R., Van Der Woude M. Marianne's liberty in jeopardy? A French analysis on recent counterterrorism legal developments // Critical Studies on Terrorism. 2020. Vol. 13, iss. 1. P. 1–23.

Jakobs 2014 – Jakobs G. On the theory of enemy criminal law // Foundational Texts in Modern Criminal Law / ed. by M. Dubber. Oxford : Scholarship, 2014. 450 p.

Fekete, Webber 2010 – Fekete L., Webber F. Foreign nationals, enemy penology and the criminal justice system // Race & Class. 2010. Vol. 51, iss. 4. P. 1–25.

Gómez-Jara 2008 – Gómez-Jara C. Enemy combatants versus enemy criminal law. An introduction to the European debate regarding enemy criminal law and its relevance to the Anglo-American discussion on the legal status of unlawful enemy combatants // New Criminal Law Review. 2008. Vol. 11, iss. 4. P. 529–562.

Hussain 2007 – Hussain N. Hyperlegality // New Criminal Law Review. 2007. Vol. 10, iss. 4. P. 514–531.

Krasmann 2007 – Krasmann S. The enemy on the border: Critique of a programme in favour of a preventive state // Punishment & Society. 2007. Vol. 9, iss. 3. P. 301–318.

Kunz 2013 – Kunz K.-L. Is the idea of a sovereign authority based on legal rules and human rights outdated? // Punishment & Society. 2013. Vol.15, iss. 4. P. 38–396.

Lacey 2012 – Lacey N. Punishment in the perspective of comparative political economy // Kriminologisches Journal. 2012. Vol. 44, iss. 1. P. 9–31.

Leese 2017 – Leese M. Prevention, knowledge, justice: Robert Nozick and counterterrorism // Critical Studies on Terrorism. 2017. Vol. 10, iss. 2. P. 320–337.

Liu 2021 – Liu J. T.-S. Preventive detention of dangerous inmates: a dialogue between human rights and penal regimes // The International Journal of Human Rights. 2021. Vol. 25, iss. 4. P. 551–578.

McCann, Kahraman 2021 – McCann M., Kahraman F. On the interdependence of liberal and illiberal/authoritarian legal forms in racial capitalist regimes: The case of the United States // Annual Review of Law & Social Science. 2021. Vol. 17, iss. 26. P. 483–503.

Menke 2010 – Menke C. Law and violence // Law and Literature. 2010. Vol. 22, iss. 1. P. 1–17.

Weber, McCulloch 2019 – Weber L., McCulloch J. Penal power and border control: Which thesis? Sovereignty, governmentality, or the pre-emptive state? // Punishment & Society. 2019. Vol. 21, iss. 4. P. 496–514.

References

Baker, J. O. and Whitehead, A. L. (2020), "God's penology: Belief in a masculine God predicts support for harsh criminal punishment and militarism", *Punishment & Society*, vol. 22, issue 2, pp. 135–160.

Ben-Natan, S. (2021), "The dual penal empire: Emergency powers and military courts in Palestine/Israel and beyond", *Punishment & Society*, vol. 23, issue 5, pp. 741–763.

De Massol, R. and Van Der Woude, M. (2020), "Marianne's liberty in jeopardy? A French analysis on recent counterterrorism legal developments", *Critical Studies on Terrorism*, vol. 13, issue 1, pp. 1–23.

Fekete, L. and Webber, F. (2010), "Foreign nationals, enemy penology and the criminal justice system", *Race & Class*, vol. 51, issue 4, pp. 1–25.

Glazunova, E. N. (2011), "Guantanamo: a story with a continuation", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25, "Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika"*, no. 3, pp. 153–183.

Gómez-Jara, C. (2008), "Enemy combatants versus enemy criminal law. An introduction to the European debate regarding enemy criminal law and its relevance to the Anglo-American discussion on the legal status of unlawful enemy combatants", *New Criminal Law Review*, vol. 11, issue 4, pp. 529–562.

- Hussain, N. (2007), "Hyperlegality", *New Criminal Law Review*, vol. 10, issue 4, pp. 514–531.
- Jakobs, G. (2014), "On the theory of enemy criminal law", *Foundational Texts in Modern Criminal Law*, Scholarship, Oxford, UK.
- Krasmann, S. (2007), "The enemy on the border: Critique of a programme in favour of a preventive state", *Punishment & Society*, vol. 9, issue 3, pp. 301–318.
- Kryuchkov, K. S. (2020), "The Hoffman Report: psychologists and torture. An ethical precaution", *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 28, no. 1, pp. 148–165.
- Kunz, K.-L. (2013), "Is the idea of a sovereign authority based on legal rules and human rights outdated?", *Punishment & Society*, vol. 15, issue 4, pp. 382–396.
- Lacey, N. (2012), "Punishment in the perspective of comparative political economy", *Kriminologisches Journal*, vol. 44, issue 1, pp. 9–31.
- Leese, M. (2017), "Prevention, knowledge, justice: Robert Nozick and counterterrorism", *Critical Studies on Terrorism*, 2017, vol. 10, issue 2, p. 320–337.
- Liu, J. T.-S. (2021), "Preventive detention of dangerous inmates: a dialogue between human rights and penal regimes", *The International Journal of Human Rights*, vol. 25, issue 4, pp. 551–578.
- McCann, M. and Kahraman, F. (2021), "On the interdependence of liberal and illiberal/authoritarian legal forms in racial capitalist regimes: The case of the United States", *Annual Review of Law & Social Science*, vol. 17, issue 26, pp. 483–503.
- Menke, C. (2012), "Law and violence", *Law and Literature*, vol. 22, issue 1, pp. 1–17.
- Weber, L. and McCulloch, J. (2019), "Penal power and border control: Which thesis? Sovereignty, governmentality, or the pre-emptive state?", *Punishment & Society*, vol. 21, issue 4, pp. 496–514.

Информация об авторе

П. В. Тепляшин – доктор юридических наук, доцент профессор кафедры уголовного права и криминологии СибЮИ МВД России, профессор кафедры деликтологии и криминологии Юридического института СФУ.

Information about the author

P. V. Teplyashin – Doctor of Law, Associate Professor Professor of Criminal Law and Criminology Department of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Professor of Delictology and Criminology Department of Law Institute of SFU.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.